

УДК 349

Русская эмиграция и становление правового статуса беженцев

Лагодзинская Юлия Сергеевна

Аспирант,

Российская академия адвокатуры и нотариата,

105120, Россия, Москва, Малый Полуярославский пер., 3/5;

e-mail: collegium_mka@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос положения русской эмиграции в период становления советской власти и трансформация правового статуса российских беженцев в указанный период. Фактические и юридические проблемы русских беженцев в Европе во многом были связаны с тем, что в странах-реципиентах они составляли особую категорию иностранцев, к которым трудно было применить обычно практикующиеся принцип взаимности либо национальный режим, так как многие выходцы из России утратили подданство Российской империи, но не стали гражданами СССР, за рубежом появился достаточно широкий слой людей без гражданства, нуждающихся в международно-правовой защите. Автор приходит к выводу, что именно российские юристы стояли у истоков научной разработки и юридического закрепления правового статуса беженцев, что в дальнейшем способствовало нормативно-правовому урегулированию данной проблемы и спасению многих людей в конфликтах XX века.

Ключевые слова

Беженцы, апатриды, эмиграция.

Крах российской имперской государственности в 1917 году привёл к массовой эмиграции представителей

всех слоев общества, что породило проблему беженцев, особенно острую в Европе. Разрешением данной про-

блемы занималась Лига Наций. При этом русские эмигранты-юристы способствовали её урегулированию, участвуя в подготовке международно-правовых документов и научной разработке. Из научных работ первой трети XX в. необходимо упомянуть труды Л.Я. Таубера «Лига Наций и юридический статут русских беженцев», Я.М. Шефтеля «К вопросу о юридическом статусе русской эмиграции во Франции», Б. Трахтенберга «Новый юридический статут русских и армянских беженцев», И.М. Рабиновича «Применение Советского права в Германии»¹. Современный анализ деятельности Лиги Наций и русских эмигрантских организаций по урегулированию проблемы беженцев содержится, в частности, в обширной научной работе З.С. Бочаровой «Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на родину,

урегулирования правового положения»².

О деятельности Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев достаточно полное представление дают документы переписки бывших царских дипломатов, находящиеся в архиве Службы внешней разведки Российской Федерации³.

В работе по определению статуса беженцев активно участвовал Союз русской присяжной адвокатуры в Германии. В частности, члены названного союза в 1920-1926 гг. подготовили и прочли по данной проблеме восемь докладов: И.М. Рабинович – «О возможности применения к русским эмигрантам в Германии декретов Советской власти» (19 октября 1920 г.), «Порядок наследования для русских в Германии» (5 марта 1924 г.) и «Наследство русских эмигрантов» (22 января 1926 г.); В.С. Мандель – «О правах русских граждан за границей» (11 ноября 1920 г.); М.А. Таубе – «О

1 См.: Таубер Л.Я. Лига Наций и юридический статус русских беженцев. – Белград, 1933; Шефтель Я.М. К вопросу о юридическом статусе русской эмиграции во Франции // Право и хозяйство. – 1925. – № 3. – С. 7-11; Трахтенберг Б. Новый юридический статут русских и армянских беженцев // Закон и суд. – 1934. – № 2 (42). – стлб. 1447-1450. – 1934. – № 3 (43). – стлб. 1489-1492; Рабинович И.М. Применение Советского права в Германии // Закон и суд. – 1930. – № 10. – стлб. 383-388.

2 В этой связи фактические данные, если не оговорено иное, приведены по работе З.С. Бочаровой «Русские беженцы: проблемы расселения, возвращения на родину, урегулирования правового положения». – М., 2001. – 400 с.

3 См.: Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940 годов. Сб. документов в двух книгах. – М., 1998. – 1179 с.

правовом положении эмигрантов с точки зрения международного права» (23 декабря 1920 г.); О.А. Верт – «Правовые вопросы русской эмиграции в Германии» (3 марта 1922 г.); Е.А. Фальковский – «О судебном залоге и праве бедности безподданных по германским законам» (19 ноября 1923 г.) и «Должно ли советское право применяться к русским эмигрантам в Германии» (24 ноября 1924 г.)⁴.

Фактические и юридические проблемы русских беженцев в Европе во многом были связаны с тем, что в странах-реципиентах они составляли особую категорию иностранцев, к которым трудно было применить обычно практикующиеся принцип взаимности либо национальный режим⁵. Многие выходцы из России утратили

своё гражданство в силу изменений в личном статусе. Старое русское право после 1917 г. формально перестало быть действующим. Новую власть и государство (РСФСР, затем СССР) подавляющая часть эмигрантов не признала. Более того, советская власть приняла ряд декретов об утрате ими советского гражданства, поэтому, потеряв подданство Российской империи, они не стали и гражданами Советской России. За рубежом появился достаточно широкий слой людей без гражданства, нуждающихся в международно-правовой защите.

Впервые определение понятия «беженец» появилось в июле 1922 г. на Женевской конференции представителей правительств. Тогда речь шла только о русских беженцах. В результате русским беженцем признавался беженец «русского происхождения, не принявший никакого другого подданства». Затем Женевское межправительственное соглашение от 12 мая 1926 г. уточнило это понятие, и им считалось «всякое лицо русского происхождения, не пользующееся покровительством правительства СССР и не приобретшее другого подданства»⁶.

К.Н. Гулькевич, посланник России в Швеции, 22 марта 1920 г. в

6 См.: Таубер Л.Я. Указ. соч. – С. 16.

4 См.: ГАРФ. – Ф. Р-5890. – Оп. № 1. – Д. № 3. – Л. 134-136.

5 В отличие от европейских стран, в Китае до революции русские подданные обладали особым правовым режимом «консульской юрисдикции», то есть не подчинялись местным законам. Декретом Президента Китайской Республики от 23 сентября 1920 г. на них был распространено действие китайских законов. Подробнее о правовом статусе русских эмигрантов в Китае см.: Ван Чжичэн История русской эмиграции в Шанхае / пер. кит. Пань Чэнлонга и др. – М.: Русский путь: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2008. – С. 127-173.

одном из писем с большой озабоченностью отмечал: «Многим кажется прямо не по силам ходить в будущее российское консульство, получать там удостоверение о личности, помощь и защиту, необходимые в известных случаях. В прежние времена положение эмигрантов было легче, в Западной Европе не требовали паспортов. При условии добропорядочного поведения беспрепятственно разрешали проживать в любой стране. Что делать ныне, когда виды [на жительство], опросные листы и т. п. ежеминутно требуют оправдательных документов. Возможностей, как полагаю, много, но ни одна не удовлетворяет». Эмигранты могли бы, как считал Гулькевич, перейти в иностранное подданство («но многим это было бы непреодолимо тяжело»), принять покровительство какого-либо государства, благожелательно к ним относящегося (т. е. натурализоваться), организовать в министерствах внутренних дел отдельных государственных «столов» по паспортным делам беглых русских, либо, наконец, создать представительный центр «безземельной бывшей России», который оказывал бы им помощь, ведал их делами⁷.

7 ГАРФ. – Ф. Р-6094. – Оп. № 1. – Д. № 3. – Л. 1-2.

Целый ряд правовых вопросов, касающихся разбросанных по всем странам мира российских беженцев, можно было решить только на международном уровне. Пришлось разрабатывать новые нормы международного права, и приоритет в этом принадлежал Лиге Наций. Инициатором привлечения Лиги Наций к беженским проблемам стал существовавший с 1863 г. Международный комитет Красного креста (МККК). 27 июня 1921 г. по докладу представителя Франции Г. Ганото было принято решение создать должность Верховного комиссара по делам русских беженцев (с тем условием, чтобы он не был русским и чтобы ни один русский не мог быть приглашен в качестве технического советника комиссара или в секретариат по беженским делам). Предлагалось также собрать конференцию представителей заинтересованных правительств⁸.

В соответствии с решением Совета Лиги Наций 22-24 августа 1921 г. состоялась конференция в Женеве, в которой приняли участие представители 10 стран (Болгарии, Китая, Финляндии, Франции, Греции, Польши,

8 См.: Русский альманах: Справочник. Париж, 1930. – С. 54 / ГАРФ. Ф. Р-5913. – Оп. № 1. – Д. № 1126. – Л. 3, 25.

Румынии, Швейцарии, Чехословакии и Югославии) и международных организаций (Международного бюро труда, МККК, Лиги обществ Красного креста и Международного общества помощи детям). Сложность заключалась в том, что государства стремились сохранить свою независимость и избежать переделки внутреннего законодательства из-за российских беженцев⁹.

На конференции впервые был поставлен вопрос о предоставлении паспортов апатридам для обеспечения их прав наравне с подданными государств-реципиентов. Особую активность во время конференции проявили эмигрантские русские организации, подав меморандум, содержащий главу о юридическом положении беженцев; затем состоялся приём у Ф. Нансена, вступившего в должность Верховного Комиссара, где были изложены взгляды русской делегации на проблемы защиты прав беженцев¹⁰.

Вопрос о беженцах имел в Лиге Наций второстепенное значение. Его обычно рассматривала Пятая комиссия по социальным вопросам. Деятель-

ность комиссии не привлекала особого внимания. Там решались вопросы об эсперанто, о торговле женщинами и детьми, о продаже опиума, о борьбе с порнографией и т. д. Поэтому её члены мало интересовались проблемами беженства, полагаясь всецело на Нансена. Чтобы Верховный комиссариат по делам русских беженцев не превратился в чисто бюрократическое учреждение, в сентябре 1921 г. при нем образовали совещательный комитет. Туда вошли представители международных и российских эмигрантских благотворительных организаций, бюджет которых не зависел от внешних финансовых вливаний. Сначала совещательным комитетом российские эмигрантские организации интересовались мало, и в его состав вошли лишь имевшие своих представителей в Женеве: Совецание послов, Земгор и РОКК. С течением времени отношение к нему изменилось. К 1935 г. из 38 организаций, представленных в комитете, 12 были организациями русских эмигрантов¹¹.

На заседаниях представителей гуманитарных организаций при Верховном комиссаре 4 и 24 ноября 1921 г. было сделано сообщение

9 ГАРФ. – Ф. Р-5913. – Оп. № 1. – Д. № 1126. – Л. 149-191.

10 ГАРФ. – Ф. Р-6094. – Оп. № 1. – Д. № 1276. – Л. 27 об.; – Д. № 7. – Л. 24.

11 См.: Чему свидетели мы были... Кн. 1. – С. 343.

о паспортах для беженцев. Российским организациям удалось получить согласие на участие российских юристов-эмигрантов в разработке документов. Большая роль отводилась Центральной юридической комиссии в Париже, первоначально утверждённой при Совещании послов, под председательством Б.Э. Нольде (в составе А.Н. Мандельштама, А.А. Пиленко, П.П. Гронского, Я.Л. Рубинштейна). Все члены комиссии являлись выдающимися русскими юристами, а Я.Л. Рубинштейн до революции был присяжным поверенным.

Совещательный комитет установил субсидиарный характер паспорта. Это облегчало конкретное решение вопросов в каждом отдельном случае, ибо положение беженцев в разных странах было различным. В результате получение паспортов должно было основываться на добровольном волеизъявлении беженцев, компенсировать отсутствие у них удостоверений личности, облегчить получение виз и трудоустройство. Однако юристы-эмигранты признавали, что эти паспорта «не помешают правительствам, которые пожелали бы стеснить беженцев, сделать это»¹².

12 ГАРФ. – Ф. Р-5913. Оп. № 1. – Д. № 1126. – Л. 6.

3-5 июля 1922 г. в Женеве состоялась конференция представителей правительств, на которой был принят текст сертификата для беженцев, получивший позже название нансеновского паспорта, и разработаны правила его выдачи. По соглашению 5 июля 1922 г. нансеновские паспорта признавались странами-реципиентами при условии, что беженец выполнял все требования, предъявлявшиеся к постоянным жителям страны, платил за паспорт, за его возобновление, имел бумаги, подтверждающие, что он эмигрант, а также документы, удостоверяющие его личность (паспорт, выданный царским или Временным правительством либо невозобновлённый советский).

Вопросы практического применения паспортов были поставлены на первом съезде русских юристов за границей. Отмечая в целом положительное значение паспортов, съезд высказал пожелание об изменении международного соглашения о паспортах для русских эмигрантов.

Нансеновские паспорта не устраняли трудностей для всех беженцев при переезде из страны в страну, при получении разрешений на работу, не давали прав на пособия по инвалидности, болезни, безработице.

Они лишь частично решали правовую проблему. Социальное и правовое положение беженцев в большой степени оставалось зависимым от доброй воли правительств тех государств, которые их приняли. На практике нансеновские паспорта лишь подчёркивали бездомность их обладателей. В.В. Набоков отмечал, что иметь нансеновский паспорт значило то же, что быть преступником, отпущенным под честное слово, или незаконнорождённым¹³.

В 1925 г. вновь встал вопрос о пересмотре паспорта Лиги Наций; был поднят и вопрос об изменении условий выдачи сертификатов. Основное правило выдачи – проставление отметки «без права возвращения в страну, выдавшую сертификат» – оказывалось несовместимым с начавшейся организацией переселения эмигрантов в Южную Америку. Внесение поправок диктовалось и тем, что практика выдачи сертификатов не была унифицирована. В некоторых случаях с беженцев взимались совершенно непомерные сборы (до 52 золотых франков с документа).

В связи с предстоящей конференцией в конце 1925 – начале 1926 г. Центральная юридическая комиссия

в Париже, состоящая из эмигрантов, направила Джонсону, тогдашнему секретарю Верховного комиссара Лиги Наций, записку, содержащую 14 пунктов, которые должны были войти в предполагаемую будущую конвенцию, и замечания к циркулярному обращению, адресованному членам создаваемой Верховным комиссариатом межправительственной конференции об улучшении действующей системы беженских удостоверений личности. В этом документе отмечалось, что визовый режим в Европе с 1922 г. упростился и смягчился, и только апатриды из России с нансеновскими паспортами испытывают большие трудности. Поэтому Центральная юридическая комиссия предлагала программу мер, улучшающих правовое положение беженцев и облегчающих их передвижение, поиск работы и т. п. Действительно, записка легла в основу изменений, вносимых в сертификат на межправительственной конференции в Женеве, однако не все пожелания русских юристов были учтены.

Предложение о превращении сертификата в нормальный полноценный паспорт конференция отвергла. Таким образом, беженцы-апатриды оставались выделенными из общего числа граждан. Правительства «про-

13 Набоков В.В. Другие берега. – Нью-Йорк, 1954. – С. 236.

должали рассматривать беженцев как элемент опасный, от которого нужно защищаться»¹⁴.

Ситуация ещё более усугубилась в связи с решением советского руководства о лишении эмигрантов гражданства СССР. По этому поводу болгарский учёный Цветана Кёсева пишет: «Постановление ЦИК СССР от 13 ноября 1925 г. о лишении русских беженцев советского гражданства подтвердило ещё раз их окончательное и беспрецедентное положение апатридов. Этот юридический статус затруднял им получение документов для проживания в конкретной стране; так называемые процентные нормы, применявшиеся в отношении к иностранцам, ограничивали их право на трудоустройство; создавались бесконечные формальные затруднения при переселении из одной страны в другую; при малейших провинностях возникала опасность выселения из страны и т. п.»¹⁵.

30 июня 1928 г. было подписано межправительственное соглаше-

ние о юридическом статусе русских и армянских беженцев. Оно состояло из двух частей. Первая часть касалась представительств Верховного комиссара в различных странах, которые должны были выполнять функции, лежащие обычно на консульствах; таким образом, вводился совершенно новый институт, не имевший прецедентов в мировой практике. Во второй части оговаривались личные права эмигрантов.

Германия, Австрия, Бельгия, Болгария, Франция, Литва приняли его полностью; представители Польши, Румынии, КСХС и Швейцарии не приняли его первую часть. Греция и Эстония согласились с документом частично и с большими ограничениями; Египет, Финляндия и Чехословакия подписать соглашение отказались.

Непросто обстояли дела с личными правами эмигрантов. Их статус обычно регулировался нормами международного права, местным законодательством, в отдельных случаях применялись отечественные законы иностранцев, что для лиц, не имеющих гражданства, влекло осложнения. Неопределённость и двусмысленность положения российских эмигрантов были связаны с непризнанием ими законов Советской России. При этом

14 ГАРФ. – Ф. Р-5913. – Оп. № 1. – Д. № 28. – Л. 4.

15 Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция: 1920-1950-е годы / Пер. с болг., научн. ред. Е.В. Михайлова. – М.: Библиотека-фонд «Русское зарубежье»; Русский путь, 2008. – С. 123.

эмигранты понимали, что дореволюционное русское право после окончания гражданской войны стало неприменимо, «ибо право умирает вместе с государством»¹⁶.

Соглашение от 30 июня 1928 г. устанавливало, как правило, применение местного права, но некоторые статьи допускали отступление. Например, Франция считала возможным до признания СССР (октябрь 1924 г.) применять в надлежащих случаях к эмигрантам старые русские законы. Германия делала исключения для русских эмигрантов, применяя к ним германские законы (обычно к иностранцам применялись законы страны, из которой они выехали) – согласно статье 4 Закона о германо-советских договорах от 14 января 1926 г.¹⁷

28 октября 1933 г. в рамках Лиги Наций была подписана Конвенция о юридическом статусе русских и армянских беженцев. Конвенция вступала в силу лишь при условии ратификации её определённым числом государств. Однако страны-реципиенты не торопились ни ратифицировать её, ни привести в соответствие с ней свои законы. Несмотря на это, российские

эмигранты высоко ценили принятие Конвенции 1933 г., хотя и были обеспечены предстоящей реорганизацией международных беженских учреждений, предусмотренной § 15 Конвенции. Положение осложнялось и тем, что с 1934 г. СССР стал членом Лиги Наций и её Совета. Компромиссное решение должна была принять комиссия, состоящая из представителей Англии, Франции и Боливии. Было очевидно, что «помощь русским спасти можно, только связав её с помощью другим беженцам»¹⁸.

Вместе с тем, поскольку международные соглашения не становились общим правилом для всех государств, правовое положение россиян за рубежом различалось в зависимости от той или иной страны. Относительно благополучными в этом отношении были Франция, Швейцария, Чехословакия, Германия, Югославия; беженцы в Румынии, Китае, Польше находились в худшем положении. Таким образом, несмотря на ряд международно-правовых актов, как правильно констатирует сербский учёный М. Йованович, прагматичное внимание политиков к Советской России «вытесняло эмигрантов на

16 ГАРФ. – Ф. Р-5908. – Оп. № 1. – Д. № 20. – Л. 1.

17 См.: Таубер Л.Я. Указ. соч. – С. 29-30.

18 Чему свидетели мы были... Кн. 2. – С. 51.

периферию интересов европейских держав», поэтому правовой статус русских беженцев в государствах пребывания «во многом зависел от местных правовых норм»¹⁹.

Тем не менее очевидно, что именно российские юристы стояли у истоков научной разработки и юридического закрепления правового статуса беженцев, что в дальнейшем способствовало нормативно-правовому урегулированию данной проблемы и спасению многих людей в конфликтах XX века.

Библиография

1. Ван Чжичэн История русской эмиграции в Шанхае / пер. с кит. Пань Чэнлонга и др. – М.: Русский путь, 2008. – 576 с.
2. ГАРФ. – Ф. Р-5890. – Оп. № 1. – Д. № 3. – Л. 134-136.
3. ГАРФ. – Ф. Р-5908. – Оп. № 1. – Д. № 20. – Л. 1.
4. ГАРФ. – Ф. Р-5913. – Оп. № 1. – Д. № 1126. – Л. 149-191.
5. ГАРФ. – Ф. Р-5913. – Оп. № 1. – Д. № 1126. – Л. 3, 25.
6. ГАРФ. – Ф. Р-5913. – Оп. № 1. – Д. № 1126. – Л. 6.
7. ГАРФ. – Ф. Р-5913. – Оп. № 1. – Д. № 28. – Л. 4.
8. ГАРФ. – Ф. Р-6094. – Оп. № 1. – Д. № 1276. – Л. 27 об.
9. ГАРФ. – Ф. Р-6094. – Оп. № 1. – Д. № 3. – Л. 1-2.
10. ГАРФ. – Ф. Р-6094. – Оп. № 1. – Д. № 7. – Л. 24.
11. Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920-1940. – М.: Русский путь, 2005. – 488 с.
12. Кёсева Ц. Болгария и русская эмиграция: 1920-1950-е годы / Пер. с болг., научн. ред. Е.В. Михайлова. – М.: Русский путь, 2009. – 312 с.
13. Набоков В.В. Другие берега. – Нью-Йорк, 1954. Рабинович И.М. Применение Советского права в Германии // Закон и суд. – 1930. – № 10. – стлб. 383-388.
14. Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения. (1920-1930-е годы): Сб. документов и материалов / Сост. З.С. Бочарова. – М., 2001. – 400 с.
15. Русский альманах: Справочник. – Париж, 1930. – 300 с.
16. Таубер Л.Я. Лига Наций и юридический статус русских беженцев. – Белград, 1933.

19 См.: Йованович М. Русская эмиграция на Балканах. 1920-1940. – М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2005. – С. 27, 186.

17. Трахтенберг Б. Новый юридический статут русских и армянских беженцев // Закон и суд. – 1934. – № 2 (42). – стлб. 1447-1450; – 1934. – № 3 (43). – стлб. 1489-1492.
18. Трахтенберг Б. Новый юридический статут русских и армянских беженцев // Закон и суд. – 1934. – № 3 (43). – стлб. 1489-1492.
19. Чему свидетели мы были... Переписка бывших царских дипломатов 1934-1940 годов. Сб. документов в двух книгах. – М., 1998. – 1179 с.
20. Шефтель Я.М. К вопросу о юридическом статусе русской эмиграции во Франции // Право и хозяйство. – 1925. – № 3. – С. 7-11.

Russian emigration and the establishment of the legal status of refugees

Lagodzinskaya Yuliya Sergeevna

Postgraduate student,
Russian Academy of Advocacy and Notaries,
P.O. Box 105120, Malvi Poluyaroslavskii lane, No. 3/5, Moscow, Russia;
e-mail: collegium_mka@mail.ru

Abstract

The main topic of the article is the position of the Russian emigration in the period of Soviet rule and the transformation of Russian refugees legal status in this period. The purpose of writing this paper is to analyse the issue on the basis of designated memories of refugees and other contemporaries of the indicated process. The factual and legal issues of Russian refugees in Europe were largely due to the fact that in recipient countries they stood at a special category of foreigners to whom it was difficult to apply the usual practice of the principles of reciprocity or national treatment, since many immigrants from Russia have lost citizenship of the Russian Empire, but did not become citizens of the USSR. Consequently wide layer of people appeared abroad without citizenship in need of international legal

protection. The author concludes that Russian lawyers were at the beginnings of scientific research and legal confirmation of the legal status of refugees, which further contributed to the regulatory and legal settlement of the problem and save a lot of people in the conflicts of the twentieth century.

Keywords

Refugees, stateless persons, immigration.

References

1. Bocharova, Z.S. (2001), *Russian refugees: Problems of resettlement, repatriation, settlement of legal status. (1920-1930-ies): collection of documents and materials* [*Russkie bezhentsy: Problemy rasseleniya, vozvrashcheniya na Rodinu, uregulirovaniya pravovogo polozheniya. (1920-1930-e gody): Sb. dokumentov i materialov*], Moscow, 400 p.
2. Iovanovich, M. (2005), *Russian emigration in the Balkans. 1920-1940* [*Russkaya emigratsiya na Balkanakh. 1920-1940*], Russkii put', Moscow, 488 p.
3. Keseva, Ts., Mikhailova, E.V. (2009), *Bulgaria and the Russian emigration: 1920-1950-s. Trans. from Bulgarian* [*Bolgariya i russkaya emigratsiya: 1920-1950-e gody. Per. s bolg.*], Russkii put', Moscow, 312 p.
4. Nabokov, V.V. (1954), *The other shores* [*Drugie berega*], New York, 256 p.
5. Obolenskii, V.A., Sarach, B.M. (1930), *Russian Almanac: reference book* [*Russkii al'manakh: Spravochnik*], Paris, 300 p.
6. Rabinovich, I.M. (1930), The use of Soviet law in Germany ["Primenenie Sovetskogo prava v Germanii"], *Zakon i sud*, No. 10, clm. 383-388.
7. Sheftel', Ya.M. (1925), "On the legal status of Russian emigration in France" ["K voprosu o yuridicheskom statuse russkoi emigratsii vo Frantsii"], *Pravo i khozyaistvo*, No. 3, pp. 7-11.
8. Tauber, L.Ya. (1933), *League of Nations and the legal status of Russian refugees* [*Liga Natsii i yuridicheskii status russkikh bezhentsev*], Belgrade.
9. *The State Archive of the Russian Federation*, File No. R-5890, List No. 1, Rule No. 3, Pages No. 134-136.
10. *The State Archive of the Russian Federation*, File No. R-5908, List No. 1, Rule No. 20, Page No. 1.

11. *The State Archive of the Russian Federation*, File No. R-5913, List No. 1, Rule No. 28, Page No. 4.
12. *The State Archive of the Russian Federation*, File No. R-5913, List No. 1, Rule No. 1126, Pages No. 3, 25.
13. *The State Archive of the Russian Federation*, File No. R-5913, List No. 1, Rule No. 1126, Page No. 6.
14. *The State Archive of the Russian Federation*, File No. R-5913, List No. 1, Rule No. 1126, Pages No. 149-191.
15. *The State Archive of the Russian Federation*, File No. R-6094, List No. 1, Rule No. 3, Pages No. 1-2.
16. *The State Archive of the Russian Federation*, File No. R-6094, List No. 1, Rule No. 7, Page No. 24.
17. *The State Archive of the Russian Federation*, File No. R-6094, List No. 1, Rule No. 127b, Page No. 27.
18. Trakhtenberg, B. (1934), "New legal statute of the Russian and Armenian Refugees" ["Novyi yuridicheskii statut russkikh i armyanskikh bezhentshev"], *Zakon i sud*, No. 2 (42), clm. 1447-1450.
19. Trakhtenberg, B. (1934), "New legal statute of the Russian and Armenian Refugees" ["Novyi yuridicheskii statut russkikh i armyanskikh bezhentshev"], *Zakon i sud*, No. 3 (43), clm. 1489-1492.
20. Trubnikov, V.I. (1998), *What we have been witnesses... The correspondence of former tsarist diplomats of the 1934-1940 period. Collection of documents in two books* [*Chemu svideteli my byli... Perepiska byvshikh tsarskikh diplomatov 1934-1940 godov. Sb. dokumentov v dvukh knigakh*], Moscow, 1179 p.
21. Van Chzhichen (2008), *The history of Russian emigration in Shanghai* [*Istoriya russkoi emigratsii v Shankhae*], *Russkii put'*, Moscow, 576 p.